

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Козаченко И.А.,
заведующий кафедрой уголовного права

Уральского государственного юридического университета.
(г. Екатеринбург)
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Почетный профессор Уральского государственного
юридического университета

Ключевые слова: Мировоззрение, мировоззренческое поле, уголовное мировоззрение, уголовное право, модели уголовного мировоззрения.

Аннотация: В статье выдвигается и отстаивается идея о мировоззренческой природе уголовного права. Автор вполне удачно показывает взаимосвязь мировоззрения с уголовным правом, при этом уголовное право рассматривается как наука, хотя авторские суждения касаются и других функциональных аспектов уголовного права: ценностных, отраслевых, законодательных. В статье приводятся четыре модели мировоззренческого уголовно-правового многообразия.

Keywords: Belief system, ideological field, criminal worldview, criminal law, models of the criminal worldview.

The summary: The idea of the article is the belief system nature of criminal law is put forward and upheld. The author quite successfully shows the interrelation of the outlook with the criminal law, while the criminal law is regarded as a science, although the author's judgments relate to other functional aspects of criminal law: value, branch, legislative. In the article four models of the belief system criminal-legal variety.

Человек, как социальное существо, наделенное природой разумом, на протяжении всего периода своего существования постоянно и непрерывно формирует свою систему взглядов на окружающий его объективный мир. Как исходная и необходимая единица человечества он из века в век пытается найти свое место (свою нишу) в этом мире.

Вполне резонен вопрос, а для чего это ему нужно? Постараемся ответить на этот и другие смежные с ним вопросы. Необходимость в формировании системы взглядов позволяют человеку определиться с его отношением к окружающей его реальной (а, возможно, и виртуальной) действительностью. Это, с одной стороны. С другой же стороны, он выражает социально - нравственные стандарты отношения к самому себе, к жизненной позиции людей, к их убеждениям, идеалам, принципам познания и деятельности, ценностным ориентациям.

Как не парадоксально это будет воспринято, но мировоззрение человека включает в свое содержание и ценностные ориентиры людей с высокой степенью девиации, криминальными: в том числе и с уголовными: мышле-

нием, психологией, сознанием, что в своей основе, так или иначе выступает в качестве объекта интереса и науки уголовного права.

Будет верным в этой связи тезис о том, что уголовное право, прежде всего как наука, неразрывным образом связана с мировоззрением. Более того, само уголовное право можно и нужно рассматривать как своеобразную форму поиска своего предназначения для социума, как определенного вида адаптивного модуля, как способа, позволяющего в круговороте взаимосвязанных и в то же время противоречивых явлений и событий сохранять свою самость.

В соотношении мировоззрения и уголовного права возможны две (а, может быть, и более) модели рассуждений. Что касается первой модели, то она базируется на исходном постулате, что уголовное право и есть один из аспектов мировоззрения, его неотделимая частица. В этом смысле их можно рассматривать не как стороны единого процесса, а как части и целого этого процесса, и в таком случае вопросы о противопоставлении уголовного права и мировоззрения отпадают сами по себе. Вторая модель допускает суждение о том, что уголовное право

и мировоззрение относятся к разным духовно-нравственным ценностям, однако находящимся друг с другом в определенных связях.

Содержание этой связи заключается, на мой взгляд, в том, что уголовное право, наряду с другими правовыми и не с правовыми регуляторами, в той или иной степени формирует у людей мировоззрение. Уголовное право, в силу своих возможностей, насыщает мировоззрение человека мироощущениями позитивного и негативного характера. Естественно, что при сходных реалиях действительности уровень соотношения негативного и позитивного, уголовного и не уголовного у каждого человека строго индивидуален, что позволяет человеку формировать свое идентифицирующее мировоззрение.

Происходит это не в малой степени потому, что индивидуальное мировоззрение формируется в подавляющем большинстве случаев стихийно в процессе своеобразного броуновского общения одних людей с другими людьми. Кроме того, все это происходит на основе исключительно личных ощущений, восприятия и созерцания каждого отдельного человека, независимо от существования великого множества уголовно-правовых точек зрения, направлений, теорий, систем и школ.

Реалии жизни (в том числе и уголовно-правовые) отдельного человека, как равно и любой его общности, побуждают его формировать не только собственное мировоззрение, но и мировоззрение других людей и общества в целом. Очевидно, имеет право на существование тезис о том, что уголовное право, взаимодействуя с мировоззрением, обретает черты не только социальной действительности, но и социальной ценности, что в своем функциональном единстве влияет на состояние уголовно-правовой, общеправовой и социальной культуры социума, повышая или понижая нравственный градус мировоззренческих потоков в обществе.

Очевидно, можно утверждать, что стихийно формирующееся мировоззрение (объективная необходимость), бесспорно, несущее в себе большой нравственный заряд (субъективная восприимчивость), не в малых дозах насыщено негативными компонентами. Обоснован в этой связи разговор о том, что мировоззрение отдельного человека представляет собой прежде всего единство противоречий, нежели противоречивость единства. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что мировоззренческий аспект уголовного права наполнен (а, может быть, неоправданно перенасыщен) императивным началом. И в этой

связи, кого бы не касалось уголовное мировоззрение (обывателя-правопотребителя, правоприменителя, законодателя, интеллектуального творца), оно необходимо сориентировано на уголовно-правовой императив. Императивность уголовного права заложена в самой ее природе. В данном случае важно, чтобы она (эта императивность) не перерастала в слабо регулируемый диктат, который в мировоззренческом аспекте наделяет его обладателя неоправданной убежденности в безгрешности всего того, что его касается.

Не потому ли принимаемые такими людьми решения, совершаемые ими соответствующие действия и творческие рассуждения нередко лишены самооценки и самоконтроля. К тому же им чаще всего присуща нетерпимость, неприятие любой внешней коррекции. Последнее способствует тому, что сложившееся (в том числе и отрицательное) мнение подается и принимается за единственно верное и потому не терпящее никакого вмешательства извне, хотя сами они навязывают другим людям исключительную достоверность собственного суждения, собственных выводов, мало заботясь о их истинности.

Подобное воинствующее уголовное мировоззрение в конечном счете приводит к смешиванию фактов и ценностей, приравниванию значимого и существующего. В свою очередь, существующим признается то, во что человек верит, даже если его вера основывается на не совсем правдивых фактах. Как известно, уголовное мировоззрение выверяется уголовными размышлениями, суждениями, выводами и действиями.

При подобном подходе к пониманию мировоззренческой природы уголовного права становится возможным суждение о том, что уголовное право позволяет признать объективный характер уголовного мировоззрения. Иными словами, уголовное право способствует признанию уголовного мировоззрения как данности. Уголовное право тяготеет к умозрительности обыденного уголовного правосознания человека, и одновременно оно стремится к размыванию его личностной идентификации. Трудность заключается в определении оптимально допустимой грани, позволяющей гармонично сочетать оба эти вектора движения: от социально необходимого (в мировоззрении социума) к индивидуально допустимому (в мировоззрении индивида) и обратно.

Однако, самым сложным и трудно разрешимым вопросом был, есть и, пожалуй, еще долго (если не навсегда) будет вопрос о структуре и содержании уголовного мировоззрения.

В философии достаточно долгое время бытовало мнение, что мировоззрение есть однородное, то есть однородное явление и составляет его наше знание (Сократ, Бекон и др.) Э. Кант первым обосновал вывод о том, что мировоззрение гетерогенно (неоднородно). Затем появилось большое количество подходов к разрешению затронутой по существу проблемы.

Думается, что анализируемая проблема в полной мере присуща и мировоззренческому аспекту уголовного права. Не подлежит сомнению то обстоятельство, что уголовное мировоззрение включает в себя уголовно-правовые знания, уголовно-правовые ценности (антиценности), веру в собственную непогрешимость и правильность выбранной человеком уголовно-правовой концепции, своего жизненного (в том числе и криминального) пути. Названные компоненты уголовного мировоззрения, в своей основе, имеют в нем неоднозначное, неравновеликое представительство, и позволяют создать четыре, на мой взгляд, базовые мировоззренческие модели.

Модель первая. Вполне естественно что, если в уголовном мировоззрении превалируют научные уголовно-правовые знания, то сердцевину уголовного мировоззрения составляет доктринальная картина уголовно-правового мира его обладателя. Именно в таком случае можно говорить о мировоззренческом аспекте уголовного права как научной отрасли. Доктринальная картина уголовно-правового мировоззрения общества в силу своей специфики обладает высокой степенью познавательного (гносеологического) потенциала. Как известно, уголовно-правовое (как равно и любое) мышление понятийно.

Уголовно-правовые (как равно и любые) понятия не лишены относительной самостоятельности, так как в их практическом применении люди отрывают понятия от их носителей. Это обстоятельство открывает возможность абсолютизировать, то есть преувеличивать роль понятия в процессах познания. Уголовные постулаты выкристаллизовываются (вращиваются) в мировоззрении отдельного человека, отдельных людей, общества в целом в виде уголовно-правовых ощущений, восприятий, представлений, понятий, категорий и т.д., которые носят исключительно индивидуальный, неповторимый характер. Сказанное, отнюдь, не означает, что при таком весьма обильном многообразии мировоззренческих моделей, нельзя говорить о некоей мировоззренческой медиане, с помощью которой можно обозначить ощутимые контуры мировоззренческой уголовно-правовой гармонии общества.

В этой связи можно заключить, что основная социально-нравственная миссия уголовного права, как науки и социальной реальности, состоит в определении его места и роли (предназначения) в первую очередь в мировоззренческом пространстве.

Модель вторая. Если в секторе уголовного мировоззрения преобладают ценности, в первую очередь материальные, то такое мировоззрение можно отнести к категории этико-потребительскому. Обладатели такого мировоззрения постоянно и, зачастую бесперспективно ведут бескомпромиссную борьбу между добром и злом. Нечто подобное можно наблюдать при анализе уголовно-правового мировоззрения современных людей, находящихся на противоположных полюсах материально-ценностного достатка. Как известно, резкое и потому неэтичное расслоение населения страны на неоправданно бедных (нищих) и безмерно богатых неизбежно гипертрофирует потребительскую мотивацию как первых, так и вторых. Не удивительно, что подобное материально-ценностное неравенство нередко провоцирует "синдром Робин Гуда". Однако, современные Робины в отличие от своего исторического собрата не прячутся в лесах и не совершают коварные набеги из-за кустов. Они живут среди нас и удовлетворяют свои материально-ценностные потребности, нередко неправомерно и ни от кого не прячась. Потребительская мотивация, органично внедрившись в мировоззренческую материю, нередко прокладывает себе дорогу в экономическую сферу жизни людей и общества в целом, где на ее просторах неиссякаемые финансовые потоки щедро подпитывают экономику теневую. Имущественные преступления в своей массе опасны не только тем, что подрывают основы экономической безопасности, но и тем, что разрушают здоровый сектор потребительского мировоззрения. Самым доступным и распространенным способом и мерой общения людей с порочной потребительской мотивацией выступает обман во всех его проявлениях и масштабах.

Насущной, в первую очередь, нравственной задачей уголовного права в анализируемом аспекте является оздоровление и укрепление мировоззренческого представления отдельного человека и любой его общности о том, что материально-ценностное благополучие людей должно осуществляться исключительно легальным путем. Внедрить в сознание и мировоззрение людей идею о признании труда и его результатов высшим социально-нравственным достижением общества.

Модель третья. Если в мировоззренческом аспекте уголовного права доминирует вера, то в ее основе вера трансформируется в справедливость - своеобразного Бога искренности и доверия. Вера - это центр душевного мироощущения, мировосприятия, мирозидания. Отсутствие веры или ее утрата равносильно физической смерти. Чаще всего она невосполнима. Вот почему вера есть обостренное до предела чувство стыда и совести в мировоззренческом пространстве человека. Оправданным, думаю, следует признать, что все без исключения преступления, посягающие на дух и физическое благополучие человека, мотивированы отсутствием веры в то, что человек есть высшая ценность, созданная Богом, которого мы часто именуем Природой. Без веры нет любви. Это подтверждается хотя бы тем, что все мыслимые преступления против семьи и несовершеннолетних основаны на отсутствии и веры, и любви. Любовь и вера между людьми по восходящей (например, дети и родители) и нисходящей (например, бабушки, дедушки и внуки и внучки) родственным линиям, как равно по горизонтальным родственным линиям: влево и вправо (например, братья и двоюродные братья) фигурально создают контуры креста, который не только символизирует божественный центр человеческой любви и веры, но и указывает на четыре равнозначных и равномерных вектора (направления), движение в соответствии с которыми создает гармонию между людьми. Нет необходимости доказывать, что все преступления, совершаемые людьми, наделенные в той или иной степени служебными, а тем более должностными полномочиями, совершаются на базе безверия, основной формой которой выступает элементарное предательство. Предательство - это не только отсутствие веры кого-то во что-то, это прежде всего обман, но обман одним, кем-то, многих или всех. Мировоззренческое поле предателей всех рангов и мастей - это своеобразное минное поле (в роли мин выступают чиновники), и каждый вошедший в опасную зону этого поля, знает, что погибнет, но не знает от какой мины и в какой точки координат.

Божественная задача уголовного права - способствовать возвращению на мировоззренческое поле любви и веры, однако, предварительно разминировав указанное пространство. Как говорил классик, В.Гюго: "Человек рожден не для того, чтобы влачит жалкое существование, а для того, что, расправив крылья, гордо парить над землей!"

Модель четвертая. Если в мировоззренческом поле человека на передовые позиции выдвигается концепция жизненного (в том

числе и криминального) пути, то центром всего происходящего является сам человек. Подобное житнетворческое мировоззрение чаще всего (если не всегда) присутствует в формуле "Я и все остальные". Все, без каких-либо исключений, насильственные преступления в своей основе развиваются в направлении от "Я" и до "все остальные". Наиболее иллюстративными в этом смысле являются такие преступления, как хулиганство и вандализм. Если совершение хулиганства свидетельствует о том, что хулиган не уважает неопределенное число потерпевших, то вандал яро ненавидит все человечество. "Я и все остальные", как мировоззренческая формула уголовного права, основывается исключительно на насилии, в рамках которого повреждается либо уничтожается физическая (а с ней и духовная) плоть всего живого, и прежде всего человека. Было бы все достаточно просто, по крайней мере для понимания, если бы проблема замыкалась лишь на противопоставлении индивидом самого себя всем остальным. Дело заключается в том, что опасность насильственных преступлений возрастает на ненависти индивида всех остальных. Ненависть - это пороховой заряд, который при самой малейшей межличностной детонации, безжалостно уничтожает (может уничтожить) все живое (и не только), вокруг него находящееся. Из мировоззрения, проповедующего насилие в любой форме, уголовное право всеми доступными ей средствами должно этот насильственный вирус вытеснять.

Безотлагательной задачей уголовного права на сегодня и на дальнейшую перспективу, требующей своего разрешения, является внедрение в мировоззренческую материю нравственного постулата о том, что насилие - это удел слабого.

Каждый из перечисленных видов мировоззренческих моделей, реализуя свой содержательно-функциональный потенциал, в той или иной мере способствует формированию мировоззренческого аспекта уголовного права как науки, как отрасли права, как социальной ценности, как отрасли законодательства. В свою очередь, уголовно-правовое мировоззрение по мере допустимости официальных институтов и по мере своей возможности привносит свою специфику в структуру и содержание мировоззрения в целом. Есть надежда, что уголовное право во всех ее проявлениях совместно с уголовным законодательством, а не только с Уголовным кодексом (что далеко не одно и то же) будет способствовать развитию у сограждан иммуноустойчивое уголовно-правовое мировоззрение.

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ О ПОНИМАНИИ ПРИЗНАКА УСТОЙЧИВОСТИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ¹

Н.А. Лопашенко

д.ю.н., профессор, профессор Саратовской государственной
юридической академии (СГЮА), г. Саратов

Ключевые слова. Организованная группа, устойчивость организованной группы, характеристики устойчивости, рекомендации Пленума Верховного суда РФ, дифференциация уголовной ответственности.

Аннотация. В статье идет речь о том, как понимается Пленумом Верховного суда Российской Федерации признак устойчивости организованной группы. Отмечается, что, анализируя устойчивость организованной группы, Пленум Верховного суда РФ называет ряд обстоятельств, совокупность всех или большинства из которых и позволяет вменить анализируемый признак. При этом неправильно отдавать предпочтение какому-либо одному признаку, равно, как и считать какой-либо признак главным.

Keywords: an organized group, stability of an organized group, stability characteristic, recommendations of The Plenum of the Supreme Court of Russia Federation, differentiation of criminal responsibility.

The summary: The article is about how the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation understands the sign of stability of an organized group. It is noted that, analyzing the stability of an organized group, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation calls a number of circumstances, the totality of all or most of which allows us to insert the analyzed feature. In this case, it is wrong to give preference to any one characteristic, as well as to consider any characteristic as the main one.

В качестве дифференцирующего уголовную ответственность обстоятельства, отягчающего, и серьезно, уголовное наказание виновного в совершении преступления лица, выступает признак совершения преступления организованной группой. Понятие организованной группы дано в ч.3 ст. 35 УК – «Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». Таким образом, признаком совершения преступления организованной группой является наличие устойчивой группы лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений с учетом этого признака. Но понятие устойчивости организованной группы разъясняется лишь в пяти постановлениях:

от 17.01.1997 № 1 «О практике применения положений Уголовного кодекса Российской Федерации», одним из самостоятельных и важных признаков организованной группы признается ее устойчивость.

Устойчивость - это оценочная категория, свидетельствующая о более высокой, по сравнению с простой группой и группой лиц по предварительному сговору, степени общественной опасности организованной группы. Специфика этой группы, как раз, и заключается, в ее устойчивости, которая очень сложно определяется терминологически. Законодательно этот признак не определен.

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны

¹ В рамках гранта РФФИ «Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: разработка теоретической модели и перспектив ее внедрения в законодательную практику Российской Федерации».

окружающей среды и природопользования» (п. 19).

При этом понятие устойчивости везде без исключения дается путем перечисления конкретных обстоятельств, свидетельствующих о наличии устойчивости, которые не всегда совпадают, хотя многие повторяются.

К таким обстоятельствам высшие судебные инстанции, как следует из выше приведенных постановлений, относят (излагаю в порядке первого упоминания обстоятельства в постановлении):

стабильность состава группы (постановление по бандитизму, 1997 г.);

тесную взаимосвязь между членами группы (постановление по бандитизму, 1997 г.);

согласованность действий членов группы (постановление по бандитизму, 1997 г.);

постоянство форм и методов преступной деятельности (постановление по бандитизму, 1997 г.);

большой временной промежуток существования группы (постановления: по краже..., 2002 г.; по преступлениям тернаправленности, 2012 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.); *другой вариант – длительность существования группы* (постановление по бандитизму, 1997 г.);

неоднократность совершения преступлений членами группы (постановления: по краже..., 2002 г.; по преступлениям тернаправленности, 2012 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.); *другой вариант – количество совершенных преступлений* (постановление по бандитизму, 1997 г.);

техническую оснащенность групп (постановления: по краже..., 2002 г.; по преступлениям тернаправленности, 2012 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.);

длительность подготовки даже одного преступления (постановления: по краже..., 2002 г.; по преступлениям тернаправленности, 2012 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.); *другой вариант – длительность подготовки преступления* (постановление по уклонению от воинской службы, 2008 г.);

наличие заранее разработанного плана совместного совершения преступления (постановление по уклонению от воинской службы, 2008 г.);

наличие организатора (руководителя) (постановления: по уклонению от воинской службы, 2008 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.);

предварительную подготовку (например, изготовление документов, приобретение граж-

данской одежды, определение места пребывания или работы) (постановление по уклонению от воинской службы, 2008 г.);

распределение ролей (постановления: по преступлениям тернаправленности, 2012 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.); *другой вариант – распределение функций между членами группы* (постановление по уклонению от воинской службы, 2008 г.);

иные обстоятельства:

специальная подготовка участников организованной группы к проникновению в хранилище для изъятия денег (валюты) или других материальных ценностей (постановление по краже..., 2002 г.);

специальная подготовка участников организованной группы (постановления: по преступлениям тернаправленности, 2012 г.; по экологическим преступлениям, 2012 г.).

Некоторые возражения по указанным признакам у меня есть только в отношении одного из них.

На мой взгляд, использование для характеристики устойчивости такого обстоятельства, как согласованность действий членов группы (постановление по бандитизму, 1997 г.), излишне. Это обстоятельство близко к признаку любого соучастия – совместности действий, то есть совершения действий, составляющих преступное деяние, сообща, с направленностью его на общий результат.

«Наборы» характеристик признака устойчивости организованной группы по разным постановлениям Пленума Верховного суда РФ отличаются количеством обстоятельств – характеристик (их число колеблется от четырех до шести). Самый короткий перечень характеристик организованной группы дан в постановлении от 03.04.2008 № 3 (ред. от 23.12.2010) «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы», в п. 17 (4 характеристики). По шесть характеристик предусмотрено для специфической организованной группы – банды (постановление от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», п. 4), для организованных групп террористической направленности (постановление от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», п. 6), организованных групп в незаконной рубке (постановление от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) «О приме-

нении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», п. 19).

Объединяет перечни обстоятельств, свидетельствующих о наличии признака устойчивости, упоминаемых в различных постановлениях Пленума Верховного суда РФ, то, что они являются во всех без исключения случаях открытыми, что, по сути, означает, что возможны и другие обстоятельства для признания группы организованной.

Серьезно меня смущает тот факт, что Пленум Верховного суда РФ, давая открытые перечни обстоятельств, свидетельствующих об устойчивости, нигде не помечает, что в каждом конкретном случае отдельных из указанных им обстоятельств может и не быть. Таким образом, у правоприменителя формируется ложное убеждение в том, что все названные в постановлении обстоятельства должны непременно присутствовать в каждом конкретном деле. Однако закон подобных ограничений не устанавливает.

Одного из приведенных выше и используемых Пленумом Верховного суда РФ обстоятельств для вменения признака устойчивости и всего признака «организованная группа» явно недостаточно. Думаю, что неверно также выделять какое-либо особо приоритетное по сравнению с другими обстоятельство, как это делал, например, Л.Д. Гаухман. Он писал: «...Определяющим признаком организованной группы, характеризующим ее устойчивость, является наличие организатора или руководителя группы»². Выше уже отмечалось, что и понимание организованной группы в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ от 27 декабря

2002 г. и от 27 декабря 2007 г. также подчеркивает обязательность наличия в группе организатора.

На такой же позиции стоит в науке А.И. Бойцов: «...Одним из основных признаков по определению является наличие организатора или руководителя. Именно наличие этих фигур создает феномен управления, при котором воля каждого ее участника согласуется с общей волей»³. Однако организатор или руководитель вполне могут присутствовать и присутствуют и в других разновидностях группы. В то же время отсутствие явного организатора (руководителя, лидера) не есть препятствие для признания группы организованной, на что указывает и сам А.И. Бойцов: «Вместе с тем наличие лидера само по себе не является признаком организованной группы, которая может функционировать и на началах коллективистической самоорганизанности»⁴. И двумя страницами ниже этот же автор делает совершенно правильный и единственно верный, по моему мнению, вывод (хотя и не согласующийся, в полной мере, с тем, что написано им выше): «...Свидетельством устойчивости организованной группы всегда выступает множество факторов, ни один из которых не обладает значением абсолютного критерия»⁵.

В действиях виновных, на мой взгляд, должно быть установлено сразу несколько характеристик организованной группы; именно *их совокупность и дает основания для признания того, что группа была устойчивой*. По одному признаку квалифицировать преступление, как совершенное организованной группой, невозможно⁶.

² См.: Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. – М., 1999. – С. 400. Автор параграфа Л.Д. Гаухман.

³ См.: Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб., 2002. – С. 672.

⁴ См.: Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб., 2002. – С. 673.

⁵ См.: Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб., 2002. – С. 675.

⁶ Р.Р. Галиакбаров предлагает в порядке обсуждения в качестве формализованного критерия для расшифровки показателя устойчивости организованной группы использовать такой признак, как система совершения преступных посягательств. Он указывает: «Систематичность не сводится к повторению (неоднократности) преступления. Она уже предполагает большее число посягательств - три и

более, отражающее антисоциальную направленность действий субъектов, серьезное возрастание уровня опасности объединения. Она фиксирует определенную линию поведения участников преступления, их укоренившиеся опасные наклонности. Вывод о систематичности делается на основе всей совокупной деятельности участников преступления. При этом не имеет значения, однотипные, однородные или разнородные посягательства совершает группа. Систематичность свидетельствует об организованном характере самой группы. Во всяком случае, любой факт совершения объединением трех преступлений или более уже жестко фиксирует его организованный характер, хотя такая группа может еще не стать преступным сообществом». См.: Гали-

акбаров Р. Квалификация преступлений по признаку их совершения организованной группой. – Российская юстиция, 2000, № 4. – С. 48. В.В. Векленко справедливо отмечает, что такое предложение неприемлемо уже хотя бы потому, что вступает в явное противоречие с законом, который говорит о возможности создания организованной группы и с целью совершения одного преступления. См.: *Векленко В.В.* Квалификация хищений. - Омск, 2000. – С. 218.